
В.И. Самохвалова

ДЕНЬГИ: ОТ ЭКОНОМИКИ ДО МЕТАФИЗИКИ

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению феномена денег, специфики их роли и функционирования в современном контексте. Деньги есть не только экономическое средство, но сложный феномен выстраивания отношений человека с обществом, с миром, с самим собой, нахождения своего места в мире, самоопределения человека. Современное бытие денег и их «новое» значение становятся для человека основой коренного пересмотра многих традиционных норм и ценностей: культурных, нравственных, психологических, религиозных и т.д.

Ключевые слова: деньги; человек; ценности; рынок; отбор.

Современность, которую чаще уже стали именовать постсовременностью – в силу того, что в ней все более четко обозначаются идеи и тенденции, выходящие за пределы привычного нормально-исторического бытия и его осмысления, – являет нам множество случаев как возникновения новых феноменов, так и своеобразного переоформления, «переформатирования», перерождения известных старых. Дух постсовременности окрашивает в свои специфические цвета те тенденции, что были сформированы в прошлые времена, затрагивая, в частности, характерное переосмысление традиционных ценностей, понимание нормы и нормативности, определение места *технической среды* человека и его отношений с ней, а также новое качество бытия, функционирования и значения денег. Идея особого бытия денег, этого традиционного универсального эквивалента, позволяющего в соответствующих соотношениях обменять что угодно на что угодно другое, широко проникает в современное мышление и в новом контексте

становится своего рода по-новому организующим его содержание и восприятие фактором. Деньги как величина и деньги как функция определяют бытие и формы многих современных феноменов (включая искусство) через их поощрение (или наоборот) путем вложения в них необходимых денежных средств. Все ненужное (нежелательное) можно «задушить» отсутствием денег, которые выступают как своего рода регулятор и оценка: вместо «хороший фильм» все чаще говорят «кассовый», измеряя художественный успех величиной получаемой прибыли. О деньгах в той или иной связи, в том или ином аспекте их современного понимания и значения, в тех или иных их смыслах или оценках можно найти рассуждения у самых разных современных авторов – экономистов, философов, социологов: Р. Генона, Г. Зиммеля, Р. Мюррея, Т. Парсонса, Н. Лумана, Э. Гидденса, А. Остальского, Ж. Аттали, О. Шпенглера, А. Зиновьева, А. Панарина, М. Делягина, а также современных писателей, пытающихся по-своему осмыслить эту проблему: А. Остальского, В. Пелевина, И. Осипенко и многих других.

Э. Фромм¹, в стремлении раскрыть и объяснить причины и механизмы выступления (и современного усиления) человеческой деструктивности, в свое время отметил расширение и углубление некрофильских тенденций в бытии современных обществ; однако во времена постсовременности эти тенденции обретают новое содержание и новые измерения, приобретая порою некую мистическую глубину, указывая на определенное метафизическое основание своего присутствия в мире. Именно в современном мире сформировалось и особое представление о деньгах, которые, с одной стороны, все более выступают объектом патологического разрастания тяги к неживому, страсти к отвлеченным мертвым знакам, неорганическому, и в этом смысле, в обобщенном значении данной тенденции, становятся как бы апофеозом некрофильских вожделений, с другой – становятся особой «категорией»², с помощью которой можно специфическим образом *мыслить* о мире – в определенном взгляде на него и в определенном его измерении. Деньги, являющиеся старым «изобретением», в новом историческом контексте открывают новые стороны проявления своей природы и сущности, по-новому озвучивая сопровождающие их бытие мифы, басни, притчи, сказания, религиозные откровения, присутствующие во всех без исключения культурах человечества.

Современные, особенно постсовременные деньги, делающие не производство, а посредничество (в том числе обычную спекуляцию) основным моментом экономической жизни, способны формировать особый тип мышления, мышления количественными категориями отвлеченной рентабельности и прибыльности, которые выходят за пределы привычной сферы экономического и превращают человеческие понятия в какие-то иные, как бы иноприродные. Так, самым эффективным инструментом и универсальным «ключом» к достижению главной цели для современного человека – брать от жизни все, хорошо жить, объявленной в этом качестве так называемым неолиберальным гуманизмом, – оказываются деньги, а наиболее оптимальным способом их получения, следуя логике количественного, выступает их присвоение (в том числе путем обмана, ограбления), а самым простым и доходным путем – воровство (в разных срезах и уровнях его понимания), ибо здесь издержки могут быть сведены к нулю, а получает человек все, что планировал, часто без особых усилий и незамедлительно. Это способствует распространению подобных форм «деятельности», а воровство и коррупцию легитимизирует «по факту», делает их как бы мировоззренчески обусловленными и потому психологически непобедимыми. В сформированной подобным мышлением «модели мира» наиболее прибыльным, следовательно, рентабельным, предприятием логически выступает война, поскольку и агрессор обычно рассчитывает окупить свои расходы за счет ограбления захваченных территорий³, и третьи страны надеются на обогащение, финансируя в равной степени обе стороны конфликта. Страдания, кровь, смерть – не в счет, ибо прежние представления о долге, о праве, о справедливости и т.п. перестают работать в сугубо и принципиально прагматистском контексте, в котором действуют прагматичные люди, выводящие деньги за пределы любых правовых обусловленностей и нравственных оценок.

Современные способы бытия и обращения денег приводят даже к своеобразной их мистификации. Разве, например, не кажется мистическим тот факт, что большая часть современных денег бесплотна, не имеет физического тела? Деньги в новом своем облике и могуществе существуют в основном где-то в *виртуальном* пространстве, в качестве неких электронных сигналов в бездонных компьютерных глубинах, как некие бухгалтерские записи и т.п. Будучи неким условным эквивалентом товаров, сами деньги даже

не товар, имеющий потребительскую ценность, а всего лишь виртуальный изменчивый знак, по сути и ставший символом безбытийного, безобразного, некрофильского соблазна. Общая стоимость ценных бумаг, циркулирующих в современном мире, в несколько десятков раз *превышает всю возможную* стоимость совокупных материальных ценностей и ресурсов, которыми *реально* располагает человечество. То есть это не только совсем условные знаки, но и развоплощенное бытие, которое каким-то неведомым образом становится определяющим для бытия реального. И возникает некое ощущение метафизической загадки современных денег, приобретающих не только особое новое бытие, но и новую власть – как бы не от мира сего.

А. Остальский в своей «Краткой истории денег»⁴ также пишет о мистических проявлениях власти денег, этой, по сути, обыденной вещи. А знаете ли вы, пишет он, что всякий раз, когда вы берете ссуду в банке, вы увеличиваете тем самым общее количество денег в обществе, тем самым способствуя, между прочим, инфляции... Или вот еще загадка: вдруг выясняется, что чуть ли не любой предмет при некоторых условиях может становиться деньгами, по крайней мере на какое-то время? Иными словами, бесспорная власть денег есть в то же время власть *условная* и выражаемая в крайне условных, исчезающих знаках. Следовательно, и природа этой власти – целиком в *сознании* человека, в его воображении, несмотря на то, что эти воображаемые реальности приобретают столь ощутимую реальную власть. Пытаясь разгадать, в чем секрет их явно мистической, невероятной власти над людьми, А. Остальский проводит два года своей жизни в редакции самой замечательной, как он пишет, финансовой газеты мира – «Файнэншл таймс», где прослеживает, как разворачивается этот бесконечный увлекательный триллер – финансовая, монетарная драма и комедия человечества.

Действительно, с одной стороны, никогда прежде деньги не были столь виртуальны⁵ (не связаны с реальными товарами) в своем бытии, как в наше время, с другой – не становились столь brutalным актором и всесильным аттрактором, как опять же в наше время, время утверждения всемирного и всемогущего рынка, на котором с легкостью (достаточно произвольно) «производятся» как миллиардеры, так и мировые кризисы. Значение национальных валют зависит не от состояния и оснащенности промышленности,

от количества произведенных товаров, но от формируемого разными способами, вплоть до введения в заблуждение, давления, подкупа и т.п. спроса на те или иные акции, ценные бумаги, товары, например на нефть. Деньги не только виртуальны сами в своем бытии, но и порождают собою некую виртуальную реальность, мало соотносимую с действительностью. Реальная экономика начинает зависеть не от реальных факторов, но от ожиданий, игры на бирже, сговоров, махинаций и т.п. текуче-неуловимых психоментальных образований. О произволе рынка уже в начале XX в. поэт М. Волошин писал:

*Жонглировать то совестью, то ситцем,
То спичками, то родиной, то мылом,
Творить известь, зажигать пожары,
Бунты и паники; одним прикосновеньем
Удорожать в четыре, в сорок, во сто,
Пускать под небо цены, как ракеты...*⁶

Воцарившийся ныне повсеместно рынок обусловил свои «законы оптики и акустики» по отношению к человеку, не желая видеть и слышать его, что определило появление важных точек несогласия. «Хотя новейшие постиндустриальные теории уже доказали, что “человеческий фактор” – главное богатство общества, тем не менее “освобожденные” механизмы рынка прямо направлены на его разрушение, на социальную деградацию экономически активного большинства, лишаемого цивилизованных условий существования»⁷. Как шутит автор книги «Хаосовершенство»⁸ В. Панов, свободный рынок оказался всем хорош, кроме одного: он не знает, что ему делать с людьми⁹, которых «освободил» от всех ценностей и ориентиров. В самом деле, рынок обезличивает человека, подгоняя его существование, его взгляды и ценности к количеству и качеству безостановочно потребляемых одноразовых вещей, пополняющих непрестанно растущую на планете свалку использованного. Потребление, а вернее сказать, количество и стоимость потребляемого (а отнюдь не реализация человеческого творческого потенциала или его духовно-культурные качества и характеристики), становятся критерием оценки успешности человека в обществе, самих его достоинств. Не-потребителю в таком обществе нет места. Рыночная психология создает безжалостную атмосферу отсутствия сочувствия к «неудачникам», которых ради «пользы дела» *случается* предать, ограбить, убить...

Деньги в современном обществе выводятся из сферы нормально-естественного функционирования и связи с обществом; с одной стороны, они движутся как «пешки» в волюнтаристской игре новых властителей, с другой – на определенном уровне действуют совершенно объективно и независимо от человека как мощный определяющий фактор, имеющий самостоятельное бытие в некой обезличенной, но всеохватывающей и мощной системе. Деньги образуют как бы невидимое магнитное поле, которое по своему организует пространство, где перестают действовать истина, порядочность, честь, где вся деятельность подчиняется единственному магниту – перерождающему пространство *притяжению* денег. Поэтому, например, человек, не встраивающийся в соответствующий «магнитно-силовой узор», т.е., например, не берущий взятку, и воспринимается, и реально оказывается своеобразным инородным телом, *тромбом* в безличных финансовых потоках¹⁰, и система выдавливает таких людей, делая опять же коррупцию неустрашимой.

Те, кто контролируют центры (узлы) функционирования этой системы, образуют новую власть, которая принадлежит им не по праву происхождения, интеллекта, воли, образования или каких-то иных исключительных достоинств, но единственно в силу их местонахождения, дающего возможность менять цены, представляя ценники и разоряя одних, обогащая других; при этом, как говорилось, сама власть зиждется на виртуальной реальности денег, но это не мешает ей присутствовать в качестве самой брутальной, мощной и определяющей реальности. Действительно, не знания, не интеллект, а деньги, знание экономической конъюнктуры и приближенность к деньгам становятся средством самоутверждения и власти. Меняющий ценники становится господином и распорядителем жизни других. Если прежде власть позволяла обзавестись собственностью, то ныне возымевший (практически любым способом) деньги получает (иногда покупает) и саму власть. «Демократия, – утверждает О. Шпенглер, – это полное уравнивание денег и политической власти»¹¹. При этом собственно человеческие мотивы власти – реализация планов наиболее разумного жизнеустроения, оптимальная организация бытия общества¹², наполнение его ценностным содержанием, улучшение его качества и т.п. – вытесняются экономическими. Фактически действует и поддерживается формула «деньги–власть–деньги», где власть за-

нимает место «товара», производимого (покупаемого) за деньги, и, в свою очередь, сама затем производит (делает) деньги. Деньги становятся единственной идеологией для тех, чья главная цель и страсть – *обладание* фетишем денег. Это дух корысти и извращения, прикрываемый словами о свободе.

Происходящая фетишизация денег превращает их из нейтрального эквивалента вещей в мерило ценности. По словам В. Франкла, стремление к деньгам одерживает победу над человеком, его стремление к смыслу заменяется стремлением к средствам¹³. Деньги, в отличие от любого другого товара, удовлетворяющего какую-то определенную (конкретную) потребность, в своей абстрактной универсальности способны удовлетворить *всякую* потребность. И в этой своей *психологической* иллюзии свободы они перестают служить какой-либо цели и сами становятся *целью*. В то же время и сам владеющий деньгами подпадает под их власть. Человек думает не о цели, для которой ему нужны деньги, но о них самих как цели. Иными словами, предварительно деньги «овеществляют» и нивелируют *самого человека*, чтобы облегчить манипулирование им в обезличенном экономическом пространстве. Так происходит искажение мотивационной сферы человека: поскольку спекуляции приносят большую прибыль, чем само производство, то и труд – производящий, созидающий, творящий – оказывается занятием менее достойным, чем воровство; происходит изменение традиционного, в основе своей нравственного отношения к труду, он начинает восприниматься как нечто постыдное и недостойное. Переворачивание устоев жизни влечет за собой искажение основ традиционной нравственности, понимания смысла и цели человеческой жизни.

Деньги все чаще представляются тем, на что считается возможным потратить свою единственную бесценную жизнь, которая превращается в бесцельную погоню за добыванием все новых и новых денег... Жизнь для таких новоявленных «скупых рыцарей» переносится из многоликого мира и сосредоточивается в темном подвале их подсознания с его неосознаваемыми комплексами и неутоленной жадностью, несмотря на все собранные несметные, но бесполезные, по самому большому счету, сокровища... Можно, конечно, сказать, что в этом случае повышается комфортность бытия – но это не обеспечивает полноты жизни, гармонии души, спокойствия и радости; о любви при этом нет и речи, если иметь в ви-

ду действительно настоящую любовь; успех приносит определенное удовлетворение, но удовлетворение еще не есть счастье, особенно в случае, когда возникают проблемы, как у короля Лира. При таком раскладе хорошо, если этим «героям нашего времени» не доводится стать фигурами глубоко трагическими...

Победивший в глобальном масштабе рынок сделал обреченной любую деятельность, не опирающуюся на деньги, которые свойственным им образом деформируя людей, искажают любую благую цель и идею. Деньги как прежде всего количественная категория имеют в виду количество, но не качество. И при этом они в определенном смысле даже ухудшают качество, приводя мир к более однообразному плоскостному проявлению и оцениванию. Законы рынка сделали то, что рынок выступил в качестве некоего нового естественного, однако по сути глубоко неестественного, отбора, ибо отбирал не лучшее, но худшее, то, что, не обладая никакими другими достоинствами, сосредоточивается на деньгах как последнем «козыре» в жестокой игре шансов. Посредством и с помощью денег, пишет С. Московичи, худшие могут торжествовать над лучшими, над честными¹⁴. О деньгах как способе своеобразного *реванша* над более авторитетными лицами и социальными группами писал Г. Зиммель и упоминал А.С. Панарин, отмечая, что именно этот ждущий реванша человеческий материал заинтересован в том, чтобы деньги (безликие и отвлеченные знаки) стали решающей силой в обществе¹⁵, тем самым выступив фактором перевертывания нормальной логики мира. О подобной ситуации, начинающей со всей определенностью вырисовываться уже в его время, пишет Ф.М. Достоевский: «“Стань богат, и все твое, и все можешь”. Развратительнее этой мысли не может быть никакой другой. А она носится и пронизает все мало-помалу. Народ же ничем не защищен от таких идей...”»¹⁶. При этом, как отмечает Достоевский, купец «имел у нас... довольно невысокое место в общественной иерархии», и «в сущности, он был тот же мужик, но лишь развращенный», он «молился своему миллиону как богу: миллион вытасил его из ничтожества, дал ему значение... Деньгами все куплю, всякую почесть, всякую доблесть, всякого подкуплю и от всякого откуплюсь»¹⁷.

Современная финансовая система с трудом допускает инвестиции, требующие длительного периода времени, например инвестиции в сам *человеческий* капитал. Западный экономист Л. Туроу

назвал наше время «эпохой узкого временного кругозора»: только быстрая оборачиваемость денег обеспечивает их прирост и успех деятельности. Требование подобной краткосрочной рентабельности препятствует опережающему развитию науки, культуры, образования, мало приспособленных к условиям измеряемого деньгами менового количества. В результате более адаптированным к рынку оказался далеко не лучший человеческий материал. Меньше души, меньше индивидуальности, никаких сложных мотиваций и чувств, зато больше расчета – условия успешности в условиях современного рынка. Таким образом, рынок и выступил, и проявляется в роли своеобразного средства *отрицательного* отбора, что означает поражение эволюционно лучшего – более высокого человечески, образовательно, нравственно, психологически. В определенном смысле это стало ограниченной *антропологической катастрофой*, ибо *антропологически* более высокоорганизованный тип вынужден был уступить более низкому типу, поскольку рынок, как уже говорилось, при отборе человеческих типов «бракует» лучших. Что касается так называемого «среднего класса», то в современных условиях он все больше представляется мифом.

Иными словами, не адекватное логике и смыслу торжество рынка есть по сути тихая война худшего в человеке против лучшего в нем. Деньги лишают человека его идентичности как именно человека, символически «обозначая» его через «другое»: через вещь, через функцию. Анонимная, безликая и обездушивающая власть денег, которые «утверждаются в виде... языка»¹⁸, формирующего и формулирующего собственные правила обозначения, обращения (коммуникации), иерархизирования, сказалась особо разрушительным, деформирующим образом на сознании отечественного обывателя, неожиданно оказавшегося в *постсоциалистическом* капитализме и не имеющего, в силу многих десятилетий иной организации жизненных ценностей, соответствующего иммунитета против подобных новых соблазнов. Своеобразную общую «порчу» человека, производимую деньгами, отмечал Ф.М. Достоевский, мысли которого звучат весьма современно: «Наступает... слепая, плотоядная жажда личного материального обеспечения, жажда личного накопления денег всеми средствами – вот все, что признано за высшую цель, за разумное, за свободу, вместо христианской идеи спасения лишь посредством теснейшего нравственного и братского единения людей»¹⁹. Подобным же об-

разом и Д. Мережковский в свое время сокрушался, видя, что у современных людей «вместо скипетра – аршин, вместо Библии – счетная книга, вместо алтаря – прилавок. Какая самодовольная пошлость и плоскость в выражении лиц! Смотришь и “дивисься удивлением великим”, как сказано в Апокалипсисе: откуда взялись эти коронованные лакеи Смердяковы, эти торжествующие Хамы? Да, со времен Герцена и Милля мещанство сделало в Европе страшные успехи»²⁰.

Рынок – это мышление деньгами, жестко заменяющее слово «ценность» словом «стоимость». Эта как бы безличная власть, силовая, полевая, осуществляемая некими «духами денег», как характеризует это О. Шпенглер, поскольку и сами «деньги – это в конечном счете форма духовной энергии, в которой отыскивает концентрированное выражение воля к господству»²¹. В то же время французский политолог Ж. Аттали, один из авторов концепции «нового мирового порядка», развивающий в том числе идеи рынка, считает, что государство существует как организация способа насилия, соответствующего уровню развития; в современном, например, государстве власть измеряется прежде всего количеством контролируемых денег. Всего он выделяет в обществе наличие трех форм проявления власти – Силы, Денег, Сакрального. Выделение власти сакрального показывает, что даже при современном прагматизме человеку не удастся при анализе игнорировать наличие (ощущения наличия) неких оснований человеческой деятельности, лежащих не на поверхности, но в сфере метафизического, о котором Ф.М. Достоевский говорил, что описываемые в его произведениях события реальности есть своеобразное отражение тех основных (как бы матричных), которые осуществляются в сфере некоего высшего бытия.

Таким образом, духовно опустошающее воздействие денег как на природу человека, так и на его душу становится ощутимой угрозой – и *антропологической*, и *метафизической*; на это порою смутно ощущаемое унижение человек реагирует отвращением к жизни, ростом числа суицидов, распространением наркомании, все более открытым предпочтением неживого, неорганического²². Человек поставил деньги *над* собой, добровольно отказавшись в их пользу от своей независимости, своего человеческого статуса, места, положения и признав их полную над собой власть. При фактическом усложнении внешней реальности одновременно происхо-

дит все более осязаемая примитивизация ее понимания, самого ощущения человеком себя в мире, в том числе и в создаваемом им искусстве²³, в котором человек выражает себя. Человек, с точки зрения лучшего в нем, унижается, «опускается». Это выглядит своего рода приговором настоящему искусству, науке, философии, как бы предвещающая в целом конец культуры. Например, вопрос о том, была ли занесена жизнь на землю метеоритами или же кометами, над чем, в частности, бьются известнейшие микробиологи планеты, не имеет прямого отношения к успешности функционирования рынка и выглядит в этом ракурсе излишеством, утоляющим лишь праздное любопытство ученых. Но наука в известном смысле часто, до поры до времени, выглядит подобным же праздным занятием, не имеющим прикладного значения, преимущественно философия, в частности. И потому поэт вынужден констатировать:

И нынче в уличные музыканты

*Уходят Гегели, уходят Канты...*²⁴

Небезынтересно в связи с этим вспомнить и то, как в книге Эразма Роттердамского «Похвала глупости» сама Глупость представляет себя как порождение бога Плутоса, который, «не во гнев будь сказано Гомеру, Гесиоду и даже самому Юпитеру, есть единственный и подлинный отец богов и людей»²⁵, т.е., иными словами, Плутос, бог богатства, и есть отец Глупости; это действительно интересная мысль. И находит свое интересное же подтверждение в практике современных государств, где становится очевидной нужда не в образованных людях, интеллектуалах, гениях, а в оглушаемой биомассе, способной быть лишь сборищем «квалифицированных потребителей». В самом деле, в деньгах, их сущности и «энергии» есть нечто, что помогает сделать из человека своеобразного робота – механизм, функционирующий без целей и чувств, вне ценностей, лишь согласно безличным целям системы в целом. Не нашедшие себя в этой системе остальные обречены быть «ресурсом», «расходным материалом». Деньги, эта необходимая сторона бытия общества, обеспечивающая возможность разнообразить обмен и давать человеку независимость от конкретных форм и неизбежных сложностей организации эквивалентного обмена, превратились в способ унижения человека – и как индивида и как представителя рода, создавшего культуру.

При этом деньги не только участвуют в намеренно поддерживаемом и проводимом оглушении населения, но и сами по себе обладают способностью будить в людях худшее, стирая глубину возможных душевных движений, актуализируя темные бездны «дочеловеческих» стадий развития человеческого бессознательно-го. Достаточно вспомнить, сколь возросло за последнее время число преступлений на экономической почве: от дел по наследованию имущества до рейдерских захватов успешных предприятий, от похищения и продажи людей на органы за большие деньги до возрождения работоторговли, в особенности женщинами и детьми. Своеобразно и глубоко показателен в этом плане хрестоматийный пример с уникальными произведениями самобытного искусства ацтеков, прекрасными ювелирными украшениями, которые получил в дар Кортес (как «живой бог от другого живого бога», Монтесумы), переплавивший эти бесценные свидетельства самобытной (и исчезнувшей) культуры в бесформенные слитки «для удобства», ибо интересным было прежде всего именно само золото как *золото*, вне качественного выражения его в художественных ценностях. Темна и безобразна иррациональная зависимость человека от этих безликих знаков, его готовность к искажению ради них своих ценностных представлений, своих человеческих потенций.

Подобная хаотизация культурно-художественной ценности до просто вещества показательна: это сущность и функция денег (и природа души, ими прельщенной): хаотизировать многоцветие бытия, смешивая его качества в безликом и бесформенном *количестве*. Хаос, безобразное, деньги – природа их представляется связно-единой, любое качество нейтрализуется сведением к безликому количеству: в текуче-неопределенном пространстве хаоса с его бесформенно-неупорядоченными текучими порождениями нет островов «тверди» для формирования *качества* и нет точек для выстраивания качественных *векторов*.

Всепоглощающая энтропия всесмешения и уравнивания в однообразии, что губительно для жизни, стремящейся – для своего сохранения, деления и продолжения – к многообразию, неизбежно затрагивает человека: уничтожается культурное многообразие его жизни, стирается его человеческая индивидуальность и его человеческое достоинство; он поглощается агрессивной бескачественной «сущностью». Деньги символически уничтожают человека как человека, но «зато» способны по-новому обозначить то, что *от*

него осталось: «человек» – это то, что он купил. Сколько и что он смог купить – настолько он *теперь* считается человеком, таковым он видится и другим. Деньги обеспечивают «раскрутку» человека: покупают прессу, подкупают армию, оплачивают выборы; с их помощью можно если не решить проблему, то во всяком случае откупиться от нее... Сама фетишизация денег, выступающая *апофеозом тяги к неживому*, означает, что человек по-прежнему способен к языческому «сотворению кумира», поскольку наделяет мистической властью деньги, которые на самом деле есть всего лишь всеобщий эквивалент товаров, но сами даже не есть товар, имеющий *потребительскую* ценность, а всего лишь виртуальный изменчивый знак, по сути ставший символом *соблазна неживого*.

В принципе все люди интересны – и для бытия культуры, и для осуществления непрерывности феномена жизни – тем, что могут иметь разные цели и разные мотивации в своей деятельности. И цели могут быть не только рациональными и практическими, но и такими, что лежат за пределами прагматики и сугубо рациональной мотивации, имеют цели за пределами практической жизни, высшие цели, цели религиозные и т.п. Обладание деньгами – цель абсолютно посторонняя, ограниченная соображениями выгоды здесь и сейчас, деньгами ради еще больших денег. В крайнем случае – власть, но и она ценна тем, что ее имеешь здесь и сейчас. Деньги заземляют цели и устремления, ограничивают и сужают и мотивацию, и кругозор. Ради денег люди готовы идти на риск, но готовы ли они за них – именно за них – умирать? Деньги соблазняют своим могуществом, но готов ли человек за иллюзию его расплачиваться своей бессмертной душой? Деньги сужают и уплотняют жизнь, исключают сверхмотивацию, что составляет специфику человеческого понимания смысла жизни. Деньги сводят все к ограниченной цели, объявляя идеи всякого другого плана и уровня демагогией. Они обозначают *выбор в пользу внешнего, количественного, временного, отвлеченно-механического, плоско-однообразного – против внутреннего, качественного, вечного, неповторимо-живого, многоликого*.

И если подобную замену еще возможно осуществить для конкретного человека, для конкретной отдельной жизни, то когда подобный выбор делает цивилизация – это, повторяем, убийственно для человека (как рода) и бесперспективно для жизни (как космического феномена). Это метафизическое предательство челове-

ком себя как космического деятеля, каковой статус человека провозглашен был еще Вл. Соловьёвым и Н. Бердяевым, духовно-эстетически обоснован Н. Лосским и С. Франком, психологически подтвержден А. Маслоу, космологически выстроен П. Тейяром де Шарденом и космистами... Это и завуалированное, и порою агрессивно открытое посягательство на саму идею развития как возможность нового открытия все новых же возможностей для совершенствования человечества, раскрытия его подлинной природы в направлении реализации полноты его возможных качеств, его духовности...

Это проявление ценностно-метафизического смысла поверх социального и антропологического как бы согласуется со словами О. Шпенглера о некой духовной энергии, источаемой деньгами, рассматриваемыми в метафизическом измерении. Вспомним в связи с этим рассуждения И.А.Ильина²⁶ о демоническом начале и том главном, что отличает Бога от Его антипода. Бог, по словам И. Ильина (и не только его) отдает, щедро изливая Себя в мир, дьявол – забирает от мира, отбирает у бытия, присваивает все себе, символизируя вампиризм и власть бесплодного поглощения. Не умеющий творить, т.е. отдавать, он вынужден забирать у мира; это выступает как *жадность*, которой и отличается дьявольское, демоническое начало. Не умея творить, т.е. отдавать себя миру, он главной своей добычей традиционно (как это отражено в мировом искусстве) считает человеческую душу, которую Бог вдохнул в человека (а он, творчески бесплодный, не способен; и может лишь хитростью выманить ее у соблазненного им человека, как правило, пообещав тому богатство и власть). Не способный творить, вносить в жизнь ценности и смыслы, он жаждет присвоения созданного другими. Интересно, что и Аристотель говорил, что великолепен человек, *дающий* дары, а не тот, кто накопил богатство *для себя*. Деньги способны соблазнительно действовать на человека, пробуждая в нем жажду их присвоения. Фетишизируя деньги, человек бесконтрольно подчиняется этой одной из самых сильных из всех неинстинктивных (т.е. неприродных) человеческих страстей – *жадности*. В этом случае, как считает Э. Фромм, переносящий проблему в план земной человеческой психологии, «речь явно идет о симптоме психической патологии, о дисфункции, связанной с постоянным ощущением пустоты и отсутствием внутреннего стержня в структуре личности. Жадность – это патологическое

проявление неудачного развития личности и одновременно один из главных грехов...»²⁷. И это именно грех, потому что жадность связана с бесплодной сатанинской стихией. Будучи темной страстью, это означает некую энергетическую *заряженность*, неумолимо влекущую человека к объекту его вожеления, к деньгам.

Мистическую власть золота пытались разными способами и подходами к предмету объяснить многие авторы исследований самого этого предмета. Так, В. Гюго, очень глубокий и неожиданный автор, пишет, что золото при переходе из рук в руки теряет 1/1400 часть своего объема (стираются, как известно, не только золотые монеты, уменьшается со временем и сама стоимость денег вообще: М.В. Ломоносов, как мы помним, приехав учиться, жил на 3 копейки в день). При «стирании» золотых монет происходит потеря их в весе, ибо часть золота распыляется, улетучивается, эта «пыль» как бы носится в воздухе, прилипает к вещам и рукам, в том числе попадает в человеческие легкие, «проникает в нашу совесть, приглушает, обременяет, отягчает ее, соединяется с душою богачей, которые становятся надменными, и с душою бедняков, которые ожесточаются»²⁸. Действие золота на людей можно, конечно, объяснить и таким образом, однако остается вопрос, в чем же была заключена первоначальная, исходная причина мистических свойств, а затем и действия золота. Кроме того, в некоторых странах существуют предания о самостоятельно *оживавших* золотых изваяниях, которые неожиданно нападали на своих хозяев... А утопист Томас Мор, придумавший страну Утопию, писал, что в этой идеальной, по его замыслу, стране золото использовалось лишь для обозначения преступников: только у них золотые цепи и кольца применялись как указательный позорный знак. Интересно, что современный рокер и рэпер И. Алексеев (известный как NOIZE MC)²⁹ считает, что главный сатанист мира – современная финансовая система; заманчиво было бы, говорит он, избавить общество от денег; показателен такой порыв, однако и сам он с сожалением понимает, что это действительно утопия.

Ставшие по результатам своего функционирования, по характеру изменений, произведенных в человеческом сознании поистине дьявольским феноменом, деньги в самых широких последствиях проявления своих качеств и свойств превратились в разъедающую *проказу* для человеческой души, проказу, которая способна своей нечеловеческой властью исказить сам облик мира и

которая, как известно, не останавливается в своем разрушительном действии, пока не достигнет конечного результата. Жадность, агрессия, предательство, ложь – все эти поистине сатанинские соблазны есть как бы коды подключения к темному пространству хаоса, на который выводит человека возможное, но способное актуализироваться демоническое в самой же его душе, которая, по словам Плотина в его «Эннеадах», может быть безобразна в своей неустроенности. Неустроенная, т.е. неупорядоченная, лишенная организующего начала в виде высших духовных ценностей, негармонизированная (по М.М. Бахтину), «прокаженная» соблазнами денег душа становится уязвимым местом человека, ибо именно через нежелательный отрицательный «унисон» демонических «струн» души человека с неким общим метафизическим сатанинским началом (пространством или метафизически мыслимым уровнем бытия) он подпадает под власть темных сил хаоса.

Деньги обозначились как преимущественное зло, когда произошло их покушение не только на главные принципы жизни человека, но и на саму жизнь. В условиях своего торжества деньги стали решать вопрос о жизни и здоровье; и теперь уже не только здоровье покупается за деньги, но и возможность жизни, и даже некое бессмертие, обеспечиваемое новыми, весьма дорогими средствами³⁰ и сверттехнологиями. Уже предсказываются времена, когда смогут появиться новые, богатые и могущественные, ставшие почти бессмертными, как бы «боги» нового общества – и остальная, обслуживающая их и противостоящая им «биомасса». Подобные соображения как бы актуализируют мрачные сюжеты невероятных антиутопий, и сама амбивалентная природа денег наводит на мысль о вероятности подобного и усиливает восприятие какой-то темной тайны их появления и существования. И, конечно, вспоминаются элои и морлоки Г. Уэллса, ставшие двумя разными видами (не социальными группами или классами), на которые подобным искусственным путем распалось некогда единое человечество. Безличность денег в том, что им все равно, кто и для чего их использует. ТВ своей рекламой ежечасно призывает: бери от жизни все. Способ и цена не обсуждаются. Вместе с тем возможное превращение денег в прямое средство тотального управления и контроля путем перевода наличных денег в безличные электронные при лишении, например, доступа к электронным деньгам (что технически весьма несложно), еще более повышает регули-

рующую роль денег в жизни человека и еще более приближает человека к жестко управляемым антиутопиям.

С деньгами связаны и обычно ассоциируются не самые лучшие проявления человеческой природы. Не только жадность, но и азарт, становящийся, например, основной страстью бизнесмена, политика, игрока... Архиепископ У. Темпл утверждал в свое время, что азартные игры представляют собой как бы «антитезу любви», так как «пытаются извлечь прибыль из неизбежных потерь и возможных страданий других людей»³¹. Эта интересная мысль является как бы иллюстрацией и пояснением к тому, по какой причине настоящая, действительная человеческая любовь уходит из современного контекста. Эти чувства и эмоции гасятся подобными же по азарту, но противоположно направленными эмоциями игры (в разных проявлениях – на бирже, в операциях с акциями или за карточным столом). Ведь если в азартной игре выигрывает один, то он выигрывает у другого, который проиграл. Радость удачливого игрока неизбежно – и здесь нет вариантов, если человек играет и это ему нравится, – основана на горе и страдании неудачника. Подобное характерно для всех других азартных занятий, которыми полна жизнь современного делового и рискованного человека. Азарт часто переходит в агрессивность, сопровождая жесткие и опасные игры, например на бирже и т.п. Тем самым деньги, связанные с игрой, связываются и с агрессией: в них есть наступательность, захват, уничтожение (символическое, а иногда и переходящее в реальное).

Темная стихия жадности, темная иррациональная (несмотря на свой прагматизм) власть денег ведет к умножению преступлений, так, например, учащаются случаи убийства на почве наследования или раздела имущества. Мы, в нашей нелучшей демографической ситуации, нехоти и не вовремя забыли о необходимости существования таких форм построения социальности, как межпоколенческая солидарность, кооперация, альтруизм, наконец. В современном обществе с его повышенным коэффициентом агрессивности – и одновременным снижением способности к логическому мышлению – утратилось различие между биологически адаптивной агрессивностью, находящей свое сублимационное выражение и разрядку в активной жизненной позиции и, в частности, в творческой активности, с одной стороны, и биологически неадаптивной агрессией – злокачественной, деструктивной – с дру-

гой³². Именно в социальной своей жизни человек в конечном счете убеждается, что относительная «выгодность агрессивности сочетается для него с саморазрушительностью»³³.

В целом отношение к деньгам отражает общую парадигму современной жизни, когда, по мнению автора, становятся очевидны некрофильское содержание и проявление денег. Количественное обезличивание человека, происходящее в современном обществе, находится в полном согласии с формально соблюдаемым демократическим требованием: один человек – один голос; при этом не важно, что это за человек, насколько весом тот или иной голос³⁴. Решает количество. Деньги способствуют подобному «уравнению», когда посредством их худшее (качественно) нередко получает возможность торжествовать над лучшим. Своего рода бескачественный субстрат денег по-своему объединяет мир, ставший как бы мономерным и гомогенным в своем выравнивании по худшему качеству, по нижнему уровню. Гомогенное и одновременно разобщенное, бесцветное общество – у такого общества, как пишет К. Манхейм, нет ничего, за что стоило бы бороться³⁵.

Действительно, как пишет О. Шпенглер, мышление деньгами порождает деньги, и только лишь деньги³⁶. Однако чтобы получить их, признается допустимым все. Иными словами, все и допустимо, и возможно ради вступления в порочный замкнутый круг, ограниченный деньгами, даже если и прирастающих количественно, то никого не обогащающих – ни человека, ни мир, ни жизнь – качественно. Рынок и сиюминутно, и в расчете на будущую прибыль использует человека, его слабости. Интересно, что этот наиболее отвратительный из всех человеческих импульсов – желание использовать другого в своих целях посредством разного типа власти над ним – Э. Фромм, в свою очередь, рассматривал как всего лишь утонченную форму каннибализма³⁷.

При видимости значимости количественного параметра количество в человеческом мире есть база низшего уровня, это обычно лишь условие создания подготовительной статистической базы для возможности анализа. Вопросы смысла, сущности, власти оказываются все-таки не количественными, а *качественными*. Самое высокое качество присутствия человека в мире обеспечивает применение знания, но, как считает Э. Тоффлер, интеллект есть инструмент аристократический, им надо научиться пользоваться³⁸. Деньги же часто хотя и дают власть, однако действуют, что огова-

ривалось выше, как фактор ухудшения качества, переворачивания нормальной логики мира, и, как правило, именно при отсутствии других значимых достоинств – наличие денег и может выходить на первый план, становясь решающим фактором.

Некритически утверждаемый у нас, принимающий форму рыночного экстремизма, без трезвого размышления, взвешивания разных вариантов, умения «различать и разделять», рынок утвердился в нашем обществе не только в самом «неквалифицированном», но и в самом непоследовательном и уродливом варианте. Но рынок вообще везде требует особой личности – *потребителя*, ибо без потребления производимых товаров, которые кто-то должен покупать, рынка нет. Рынок неизбежно рождает авантюрно-гедонистическую экономику спроса, порождая ускоренное возникновение и развитие массы искусственных потребностей. Рынок и психология спроса способны вытеснить и мессианские идеи, и героический миф об усовершенствовании мира, что прежде считалось принадлежностью русского национального сознания. Как мы помним, тема человека и его судьбы в мире, представление об идеале как высшем уровне развития человека лежит вполне в русле основных традиционных тем русской классической философии. Сама судьба человека, как пишет Н.А. Бердяев, предполагает сверхисторическую цель³⁹.

Рынок по сути своей в целом и в своих конкретно-частных проявлениях демонстрирует полную недружественность и к искусству, ибо подлинное искусство требует множества усилий и соблюдения определенных условий (в частности, вложений в самого человека, в его образование, разностороннее развитие, в воспитание публики, способной понимать и оценивать искусство, и т.п.). Прибыль же, как мы знаем, может дать только потребляющее большинство, которое для этого нужно целенаправленно воспитать как послушного и манипулируемого потребителя (что легче), а не как самостоятельного ценителя (что значительно сложнее). И потому сокращается издание литературной классики, но наращиваются тиражи детективов и комиксов, действительность заполняется разного рода ширпотребом, муляжами, коллажами, в театре и на эстраде царят пошлость и примитив. Современная культура становится пространством пересмотра ценностей и норм, сложившихся в традиции общения человека с высоким искусством и культурой. Рыночно-потребительский тип современного обще-

ства заставляет и самого человека приспосабливаться не только к его темпу, его характеру, но и к его новой системе приоритетов, часто ведущих к извращению традиционных ценностей. И здесь нельзя не вспомнить слова Ф. Ницше: «Многие презираемые в иных эпохах, оставленные за ненадобностью низкие вещи мы почитаем важными – зато за “прекрасные чувства” гроша ломаного не дадим...»⁴⁰.

Мы помним, что в русской философии уже очень давно велся серьезный разговор о сути тех явлений, которые ныне составили содержание современного рынка. Насаждение агрессивного невежества и бездуховности суть естественные следствия победного вторжения рыночных критериев в культуру. В частности, Василий Розанов еще в его время, далекое от современного рынка, писал о торжестве агрессивной американской денежной морали над мировой наукой и культурой: поставив свой сапог на академический стол, пишет он, рынок увенчал его лаврами, снятыми с голов Гомера, Данте, Шекспира, Мильтона. А Белый, считавший количество символом грубой физической силы, что лишь числом нулей делает единицу миллионом, сетовал на то, что «рынок разложил материю искусств... и там, где зеленели луга, – ныне выветренные песчаники»⁴¹. Подобные же выветренные песчаники образовались теперь и по всей территории отечественной культуры. Рынок опасен не сам по себе, но своими вкрадчиво-соблазняющими наступательными технологиями *подмены* ценностей, своей идеологией стремления к неограниченному обладанию вещами, тем, какое место занимает в душе и мире человека ощущение себя обладающим, какое значение он придает именно этому ощущению на фоне всех остальных самоощущений. «Быть или иметь?» – этот вопрос, поставленный Э. Фроммом, не только по-прежнему не утратил своей актуальности, но в ситуации искажения человеческой картины мира показал глубину значения его в постановке наиболее общей антропологической проблематики. Ибо современная жизнь иссекает в своих истоках в хаосе беспорядочных желаний, диктуемых алчностью и вожделением. Сам милосердный «христианский Бог любви, – пишет Э. Фромм, – терпит поражение от рыночного идола наживы»⁴².

Новая рыночная рациональность, «рациональность» силы и неприемлемо эгоистичный социал-дарвинизм агрессивно расчищают дорогу стихии голого инстинкта, «новой бестии... похуже

фашистской»⁴³. Новый человек либерального типа – это программа достижения, успеха, амбициозности и в то же время приспособления и безответственности (формируется виртуалом, где все легко поправимо и исправимо)... Это человек не усилия, а кредита, желания получить максимум желаемого при минимуме усилий, с психологией временщика, а не долгосрочного существования на Земле. Человек с психологией соглашателя, с готовностью принимающего принцип несправедливости и неравенства. Монетаризм при этом отнюдь не просто техника осуществления новой политики, но это агрессивная доктрина, претендующая на пересмотр основ самой человеческой культуры. Здесь порочен сам связанный с этим монетаристским основанием принцип денег определять отношения между человеком и миром: дать как можно меньше, стараясь получить как можно больше. Являясь главным основанием богатства, условием рентабельности, подобная ситуация губельна для общества, его морали, его культуры. Современная политика по сути есть коммерческое предприятие. Если от прежней элиты традиционно требовался не объем потребления, но объем духа, интеллекта, воли, то установка современной элиты на потребление – и только – губельна для цивилизации в перспективе развития этих ее сторон.

Психология вседозволенности в расчете на обязательное получение прибыли приводит к оживлению многих видов деятельности, которые прямо являются нарушающими законы человеческого сосуществования, например, торговля оружием, его производство и совершенствование в расчете на возможность войны, безнравственность которой не принимается в расчет. Устанавливающий порядок произвола и несправедливости, направленный против человеческих законов и норм, действительно требует серьезной организации насилия для своего поддержания; специфику ее Т. Адорно и М. Хоркхаймер в своей работе «Диалектика просвещения» определяют как информатизационный глобофашизм. При этом само испуганное массовое сознание, в которое также постепенно проникают фашистские умонастроения (что неудивительно как результат ускоренного развития буржуазного способа мышления с его избирательной иррационализацией), пересекается, по словам А.С. Панарина, с «откровенными социал-расистскими» установками мировой финансовой элиты, «не обремененной старыми гуманитарными комплексами»⁴⁴, и потому, как считает З. Бже-

зинский, ныне современный мир стоит накануне таких кардинальных преобразований, для которых Робеспьер, например, оказался бы слишком мягким человеком⁴⁵.

Человеческая личность подвергается *символическому уничтожению*, растаптывается в ее бессилии воспротивиться унижению. Возникающее новое рабство сопровождается и возрождением торговли людьми, практики похищений для продажи в рабство. Подобное развенчание *образа человека* (творимое опять же во имя денег) не проходит бесследно: оно влияет на характер и содержание человеческих отношений в обществе, изгоняя из них бескорыстие, насаждая крайнее понимание потребительства, сводя человеческие проявления к достаточно низменным инстинктам. Подобное «новое» отношение к человеку «оправдывает» применение пыток, немислимых для современной развитой формы социальности, но именно и отличающихся современной изощренностью.

Таким образом, современный, соблазненный химерами обожания и могущества человек идеологически, экзистенциально, нравственно готов встать над понятиями добра и зла, поместить себя вне понятий жизни и смерти; он вообразил себя неким Богом-вершителем, но не захотел (да и не смог бы в наличном своем качестве) принять адекватную этому ответственность не только за мир, но и за самого себя. Вместе с тем из контекста социальности совершенно уходит чувство человеческой солидарности, человеческой общности на Земле. Мы видим результаты фетишизации денег в культуре, что имеет разрушительные следствия на всех уровнях их бесконтрольного функционирования. Разрушая *культурные константы*, означая *моральную* вседозволенность, как если бы ни Бога, ни самой идеи Бога и вовсе не было, подменяя религиозные взгляды сатанинскими и неоязыческими соблазнами, деньги в своем количественном проявлении, бескачественном уравнивании, безнравственном функционировании способны погрузить мир в черную дыру чавкающей энтропии. В свое время Дж. Рёскин, говоря о том, *что* может или не может выступать предметом искусства, утверждал, что девушка может петь об утраченной любви, но скряга не поет о потерянных деньгах; оказалось, что, выражаясь фигурально, очень даже поет, и даже готов заставить весь мир подпевать ему. Произошло соответствующее смещение энергетических и смысловых уровней: логика коммерции удушает, иссушает, дискредитирует все, что не обещает прибыли – все это не

считается достойным внимания, не вдохновляет, даже если это открытие нового, прорыв к новому.

«Силовое поле денежных напряжений, – пишет О. Шпенглер, – присваивает каждому объекту, абстрагируясь от конкретного его вида, положительную или отрицательную эффективную величину»⁴⁶. Возможно лишь одно противопоставление: между аполлоническими и фаустовскими деньгами – т.е. между деньгами как величиной и деньгами как функцией. Однако всемирная история – это всемирный суд, и Шпенглер делает свой страшный прогноз: «Последней схваткой, в которой цивилизация принимает свою завершающую форму, является схватка между деньгами и кровью», при этом «деньги могут быть преодолены и упразднены только кровью»⁴⁷.

Примечания

- ¹ Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности. – М.: Республика, 1994. – 672 с.; Он же. Иметь или Быть? – Киев: Ника-центр, 1998. – 320 с.
- ² См., напр.: Шпенглер О. Закат Западного мира. – М.: Альфа-книга, 2010. – С. 947.
- ³ Так, перед Второй мировой войной Германия, не желая продолжать выплату тяжелых для нее репараций по обязательствам Версальского мира, сочла, что дешевле и выгоднее развязать новую войну, которая в случае успеха покрывала бы все расходы. Та же логика лежит в основании соображений, по которым максимально рентабельными становятся воровство и грабеж, где при нуле расходов актер получает все, на что рассчитывает.
- ⁴ Остальский А. Краткая история денег. – СПб.: Амфора, 2008. – 272 с.
- ⁵ См., напр.: Куракин А.Л. Реальные проблемы искусственного мира // Полигнозис. – М., 2000. – № 1. – С. 14.
- ⁶ Волошин М. Собрание сочинений. – М.: Эллис Лак, 2008. – Т. 6, Кн. 2: Проза, очерки, статьи, лекции. – С. 479.
- ⁷ Панарин А.С. Стратегическая нестабильность в XXI веке. – М.: Алгоритм, 2003. – С. 488.
- ⁸ Напрашивается аналогия с термином постмодернистов «хаосмос».
- ⁹ См.: Панов В. Хаосовершенство. – М.: ЭКСМО, 2010. – С. 35.
- ¹⁰ Шельганов Ю. Проект Россия. Большая идея. Четвертая книга. – М.: ЭКСМО, 2010. – С. 150.

- ¹¹ *Шпенглер О.* Цит. соч. – С. 951.
- ¹² Если в 1964 г. 29% населения США считали, что страна управляется в интересах богатых, то к 2000 г. именно так считают уже 90% населения (по данным западного экономиста Л. Туроу, пишущего о будущем капитализма). См.: *Туроу Л.К.* Будущее капитализма: Как сегодняшние экономические силы формируют завтрашний мир / Пер. с англ. Федорова А.Н. – Новосибирск: Сибирский хронограф, 1999. – 431 с.
- ¹³ См.: *Франкл В.* Человек в поисках смысла. – М.: Прогресс, 1990. – С. 317.
- ¹⁴ *Московичи С.* Машина, творящая богов. – М.: Центр психологии и психотерапии, 1998. – С. 413.
- ¹⁵ См., напр.: *Панарин А.С.* Стратегическая нестабильность в XXI веке. – М.: Алгоритм, 2003. – С. 397.
- ¹⁶ *Достоевский Ф.М.* Политическое завещание: Сб. статей за 1861–1881 г. – М.: Алгоритм: ЭКСМО, 2006. – С. 135.
- ¹⁷ См.: Там же. – С. 227, 228, 229.
- ¹⁸ См.: *Московичи С.* Цит. соч. – С. 406, 407.
- ¹⁹ *Достоевский Ф.М.* Политическое завещание: Сб. статей за 1861–1881 г. – М.: Алгоритм: ЭКСМО, 2006. – С. 292.
- ²⁰ *Мережковский Д.С.* В тихом омуте: Статьи и исследования разных лет. – М.: Сов. писатель, 1991. – С. 364.
- ²¹ См.: *Шпенглер О.* Закат Западного мира. – М.: АЛЬФА-КНИГА, 2010. – С. 950, 957.
- ²² См., напр., последнюю книгу В. Пелевина «S.N.U.F.F.». – М.: ЭКСМО, 2012.
- ²³ Более подробно данный аспект рассматривается в нашей книге: *Самохвалова В.И.* Безобразное. Размышления о его природе, сущности и месте в мире. – М.: ИФ РАН, 2010.
- ²⁴ *Евтушенко Евг.* Поэма «Тринадцать» // *Евтушенко Евг.* Медленная любовь. Стихотворения и поэмы. – М.: ЭКСМО-Пресс: Яуза, 1997. – С. 71.
- ²⁵ *Эразм Роттердамский.* Похвала Глупости. – М.: Гос. изд-во худож. лит-ры, 1960. – С. 13.
- ²⁶ *Ильин И.* К истории дьявола // *Ильин И.* О грядущей России. – М.: Воениздат, 1993. – 367 с.
- ²⁷ *Фромм Э.* Анатомия человеческой деструктивности. – М.: Республика, 1994. – С. 181.
- ²⁸ *Гюго В.* Человек, который смеется. – М.: Вече, 2012. – С. 17.
- ²⁹ См.: *Рязанов С.* Звук нового // Аргументы недели. – М., 2012. – 19.04.

- ³⁰ Очень высокой является стоимость используемых для поддержания здоровья и молодости материалов, которые должны быть совместимы с биологическими тканями. А также криогенное и так называемое цифровое бессмертие.
- ³¹ Цит. по: *Майерс Д.* Интуиция. Возможности и опасности. – СПб.: Питер, 2010. – С. 238.
- ³² См.: *Mahler M.S.* On human symbiosis and the vicissitudes of individuation. – N.Y., 1968. – Vol. 1. – P. 166. См. также: *Фромм Э.* Анатомия человеческой деструктивности. – М.: Республика, 1994. – С. 189–190.
- ³³ См.: *Эфроимсон В.П.* Генетика этики и эстетики. – М.: Тайдекс Ко, 2004. – С. 192–195.
- ³⁴ См., например: *Канетти Э., Московичи С.* Монстр власти. – М.: Алгоритм, 2009. – С. 117.
- ³⁵ См.: *Манхейм К.* Диагноз нашего времени. – М.: Юрист, 1992. – С. 202.
- ³⁶ *Шпенглер О.* Цит. соч. – С. 959.
- ³⁷ *Фромм Э.* Ради любви к жизни. – М.: Айрис, 2004. – 400 с.
- ³⁸ См.: *Тоффлер Э.* Метаморфозы власти. – М.: АСТ, 2003. – С. 36, 65.
- ³⁹ См.: *Бердяев Н.А.* Смысл истории. – М.: Мысль, 1990. – С. 246.
- ⁴⁰ *Ницше Ф.* Воля к власти. – М.: Культ. революция, 2005. – С. 534.
- ⁴¹ *Белый А.* Символизм как миропонимание. – М.: Республика, 1994. – С. 219, 173.
- ⁴² *Фромм Э.* Психоанализ и религия // *Фромм Э.* Иметь или Быть? – Киев: Ника-центр, 1998. – С. 83.
- ⁴³ См.: *Панарин А.С.* Стратегическая нестабильность в XXI веке. – М.: Алгоритм, 2003. – С. 132.
- ⁴⁴ См.: *Панарин А.С.* Стратегическая нестабильность... Цит. соч. – С. 235.
- ⁴⁵ См.: *Бжезинский З.* Великая шахматная доска. – М.: Междунар. отношения, 1999. – С. 41, 38.
- ⁴⁶ См.: *Шпенглер О.* Закат Западного мира. – М.: Альфа-Книга, 2010. – С. 950, 957.
- ⁴⁷ Там же. – С. 952, 971, 972.